

ОНА ПЕЛА С КАРУЗО

Стены просторной комнаты в старом ленинградском доме увешаны портретами прославленных артистов, выдающихся дирижеров. На них — дарственные надписи, адресованные бере Павловской-Боровик — старшей русской певице, покорявшей некогда слушателей чудесным своим голосом.

Актриса сидит передо мной — высокая, с удивительно молодыми глазами. Не верится, что моей собеседнице восемьдесят лет, что более полувека назад ей довелось петь с Энрико Карузо...

Я смотрю на его портрет с автографом — в центре. Рядом Карузо в партии Хозе. Размашистая подпись через всю фотографию: «Мадемуазель Бере Павловской на память о спектакле «Кармен» в Гамбурге 15.10.1912 г».

— В гамбургский театр, — рассказывает актриса, — я была приглашена на сезон 1912—1913 годов. Конечно, волновалась, узнав, что предстоит петь с Карузо. Но уже на репетиции он покорила меня своей простотой. Держал себя Карузо со всеми, в том числе и со мной, так, будто был давно знаком.

Павловская-Боровик вспоминает памятный вечер 15 октября 1912 года. Она приехала гримироваться задолго до начала спектакля. У сценического подъезда огромная толпа ожидала Карузо. Чтобы пробиться в театр, пришлось обратиться к помощи конного полицейского. И вот, наконец, выступление...

— Его голос, — говорит Павловская-Боровик, — был проникновенным, нежным. А как провел он третий акт! Хозе Карузо, услышав, что его мать умирает, восторжился в горы. Он бежал за мной, Михаэлой, и все время в полголоса говорил: «Бежим, малышка! Моя мать умирает, она ждет; бежим скорее! Надеюсь застать ее еще в живых». Этих слов в его

партии не было. Карузо говорил их от себя и не слушателем, заполнившим зрительный зал, а только мне, Михаэле. И я бежала, а он все говорил и говорил за моей спиной, все торопился и торопил. Когда мы достигли кулисы на верхней площадке и, уже невидимые публике, остановились, я невольно взглянула на Карузо. Его лицо было в слезах. Только услышав аплодисменты, он пришел в себя и, не стесняясь меня, быстро вытер рукой лицо. Полностью перевоплотившись в созданный им образ, он плакал настоящими слезами...

В ГОСТЯХ У СТАРЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПЕВИЦЫ

Павловская-Боровик снимает со стены портрет Карузо.

— Певец был уже тогда тучным, но держался, — вспоминает артистка, — прямо, всегда был подтянут, двигался легко, свободно. Он гримировался мало, не стремился сделать из себя красавца. Он был умным, сердечным, тонкой души человеком. К коллегам относился чутко, по-товарищески. Ни разу не вышел он кланяться публике один. После первого акта, выйдя с ним дважды, я решила остаться за кулисами. Но Карузо разыскал меня, взял крепко за руку и не отпускал до тех пор, пока не смокли овации.

После спектакля Карузо пригласил русскую артистку:

— Приходите ко мне завтра на чашку кофе.

Павловская-Боровик запомнила в мельчайших деталях свой визит к Карузо. Они говорили о вчерашнем спектакле, в котором вместе пели, о предстоящем через два дня выступлении в «Анде». Карузо вспоминал свои гастроли в Петербурге. Утверждал, что такой

доброжелательной публики, как в России, нигде не встречал. Он рассказывал о себе, своей жизни, творческих замыслах. И сам рассказывал — о России, семье Павловской, ее учителях. Карузо высказал свое кредо: он поет только на языке подлинника, ибо никакой перевод, по его убеждению, не способен передать намерения композитора.

— Я собралась прощаться, — чему-то улыбаясь, говорит артистка, — когда Карузо взял из лежавшей на столе стопки бумаги листок со штемпелем отеля, где он остановился. Поглядывая на меня, стал что-то на этом листке быстро зарисовывать. И все время приговаривал: «Сидите спокойно, мадемуазель Павловская!».

Артистка подходит к секретеру. Открыв один из ящиков, извлекает небольшой листок, бережно уложенный между двумя кусками стекла. Я вижу на нем дружеский шарж на женщину в большой черной шляпе с перьями.

— Передавая его мне, — вспоминает Павловская-Боровик, — Карузо, как бы извиняясь, промолвил: «Если бы вы сидели спокойно и не смеялись, было бы еще больше сходства». И чтобы доказать мне свою способность делать такие мгновенные шаржи, взял еще один листок бумаги. Через минуту Карузо показал новый, сделанный им, рисунок.

«Кто это?» — спросил он.

«Вейнгартнер!» — воскликнула я.

Карузо был доволен, что я сразу же узнала заходившего к нему до меня дирижера.

Так Павловская-Боровик стала обладательницей и второго, сделанного при ней рисунка. А затем Карузо подарил ей две свои фотографии — те самые, с которыми вот уже пять с лишним десятилетий не расстается артистка.

Анатолий ЛЮБАРСКИЙ.
(АПН).